

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ВЕРНЫЙ
МУЖ

Мария Метлицкая
Верный муж
Серия «Книга в сумочку»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70070398
М. Метлицкая. Верный муж: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-04-144659-8

Аннотация

Перелистывая страницу за страницей чужую жизнь, вы будете смеяться, переживать за героев, сомневаться в правдивости историй или, наоборот, вспоминать, что точно такой же случай приключился с вами или вашими близкими. Но главное – эта история не оставят вас равнодушными. Это мы вам обещаем!

Мария Метлицкая

Верный муж

Мария Метлицкая

* * *

Теперь ее день начинался совсем по-другому. Не так, как прежде. Прежняя жизнь канула в Лету: и привычки, и распорядок, и планы – все поменялось и развернулось в другую сторону.

Все закончилось со смертью мужа. Началась новая жизнь. Каждый день Надя уговаривала себя, что и к этому привыкают. Да ко всему люди привыкают, что говорить! А уж сколько вдов в ее возрасте! Гораздо больше, чем вдовцов, – таковы реалии жизни, никуда не деться.

Со смерти мужа времени прошло совсем мало – всего-то полгода. Что это по сравнению с целой жизнью длиною в двадцать семь лет! Приятельницы, уже прошедшие нелегкий путь вдовства, утешали как могли и делились опытом. Одна предлагала вязать на спицах, другая – уехать к родне в другой город, третья – отправиться в путешествие по разным странам. Четвертая фанатично занялась здоровьем – бассейн три раза в неделю и какая-то новомодная аэробика.

Все это было не для нее. Вязание и всякое рукоделие ее

только раздражали, родни в провинции не имелось вовсе, путешествовать было уж совсем неохота – все поездки были семейными, и представить себя одной на пароходе или на пляже было совсем нелепо и даже страшновато.

А уж про фитнес-центры – ну это вообще смешно! Спортсменка из нее...

Дочка Любочка жила в Португалии – муж-грек (вот как бывает) отправился туда в поисках лучшей доли. Кризис в Греции давал о себе знать, и у детей был сейчас тоже несладкий период – жили у брата мужа, работал один зять, дочка искала работу, но пока безуспешно.

Что оставалось в пенсионерской и одинокой отныне жизни? Да по сути – ничего. Готовку Надежда забросила – столько лет у плиты! Осточертело.

К подругам часто не поездишь – усталость, да и, потом, у всех свои дела и проблемы. Выходило, что в сухом остатке у нее книги, телевизор, походы в магазин и, пожалуй, все – как ни прискорбно.

Все лето она провела на даче, хотя с погодой не повезло – в июне беспрерывно лили дожди, в июле стояла невыносимая жара, а в августе опять зарядили дожди и стало холодно, да так, что печку приходилось топить ежедневно. А как только закончились дрова, она с облегчением и радостью закрыла ставни, убрала подушки и одеяла на чердак, укрыла гортензию и розы лапником и поспешила в Москву.

В квартире тоже было не ахти – и сыро, и холодно. И то-

же совсем одиноко. В комнату мужа Надежда не заходила. Пока не заходила. Ждала, пока чуть отпустит, хотя бы самую малость. Только приоткрывала дверь, пытаюсь уловить хоть какой-то знакомый запах, но... Запахов не было. Запахи, даже самые стойкие, имели способность улетучиваться и испаряться. В отличие от человеческой боли, воспоминаний и переживаний.

Теперь она могла спать хоть до полудня и в первые месяцы так и делала – вставала в двенадцать, пила чай и снова ложилась. Потом взяла себя в руки. Пыталась хлопотать по дому. Да какие это были хлопоты! Смешно, ей-богу! После той ее жизни, где все было подчинено семье, мужу, заботам о его здоровье, особенно в последние годы, когда он уже тяжело и безнадежно болел. Да и раньше, до его болезни, расслабиться ей не удавалось – слишком требователен был Григорий Петрович, даже капризен. Впрочем, здесь и ее доля вины, да еще какая! Дочка говорила, что ее шея – отличный плацдарм, удобный и комфортный. Если уж кто присядет, обратно не сгонишь точно.

Но здесь надо было учитывать особые обстоятельства ее жизни. А именно то, что она вышла замуж, да и за приличного, очень интересного внешне, обеспеченного и интеллигентного человека, и это было огромной удачей и везением. Ей к тому времени исполнилось тридцать два года, и внешность у нее была совсем незначительная, плюс к тому – отчаянная бедность и отсутствие всяких надежд на какие-либо

перемены.

Знакомство с Григорием Петровичем было дано свыше, не иначе, так как ее шансы были ничтожны. Она уже перестала мечтать не только о замужестве, но и просто о незначительных отношениях с мужчиной – она была согласна на роль любовницы или подруги, жилетки или плеча, но и их ей, увы, никто не предлагал. И даже мать, не терявшая надежду до последнего, перестала ходить в церковь (разумеется, потихоньку от дочки) и ставить свечки всем святым подряд.

Подруги все были давно при мужьях и при детях, самые отчаянные заводили интрижки на работе и курортах, горели в страстях, убивались в семейных хлопотах, меняли наряды и прически и больше всего боялись, что молодость исчезает, испаряется, и трагично отмечали, как неумолимо бежит время.

А Наденька Круглова была спокойна и рассудительна: так – значит, так. Не всем быть при муже и не всем иметь ребенка. У всех своя судьба, ее, как известно, не обманешь и вокруг пальца не обведешь.

Обвела. Обвела судьбу тихая Наденька. Да еще как обвела! Вот уж дала она тогда повод для пересудов всем подружкам и соседкам! Было чем заняться. Все диву давались – Надька! Все тихой сапой! Скромная такая, мышка серая! Не просто замуж – вот ведь в чем дело. Не из серии – на каждую гаденькую найдется свой плохонький. Где там! Мужа оторвала интересного, солидного, с положением. Зарпла-

та, квартира, машина! Вот дела! И непьющий мужик, и вроде не гуляющий! Интеллигент, одно слово. Приличный человек. И завидовали Наде – как без этого – даже те, кто давно был «в семье» и с детишками. Что поделаешь – так человек устроен. А все потому, что у красавиц и умниц таких мужей не было. А у «этой Надьки»...

За что, спрашивается? За какие такие заслуги? А не за какие. Просто судьба.

А что у Нади на сердце, какие печали – это всем знать ни к чему.

А были печали, были! И слезы были, и бессонные ночи. Все было. Только никому-никому она об этом не рассказывала, потому что личное на то и личное, чтобы без посторонних глаз.

Нет! Все равно она считала, что счастлива! Бога не гневila – ни-ни! И муж порядочный, и дочку родила. И это почти в тридцать пять! Все успела. Муж слова грубого за всю жизнь не сказал, дурой не обозвал ни разу. И дочка удачная – всем бы таких детей! Болела не много, в школе успевала хорошо. Шляться не шлялась, по подъездам не терлась, не курила и на дискотеки не бегала. В восемнадцать замуж вышла за иностранца. И опять пересуды – дала Любашка! Всем нос утерла. А ведь не такая красавица – ничего примечательного! Таких миллионы. Укатила в Грецию.

Ну без гадостей не обошлось – дескать, бросила родителей в такую минуту! Отец почти не встает, мать буквально

рвется.

А Любаша уехала. Не бросила их, а уехала, за мужем, потому что у нее теперь семья. А семья – это святое, так ее мать воспитала. И не забывала их, между прочим, звонила по три раза в неделю. Лекарства присылала отцу иногда.

Да, на похороны отца Любочка не приехала. Не потому, что денег пожалела, а потому, что Наденька дочь пожалела, кровиночку свою. Не написала, что отец скончался. Вернее, написала, но потом, после похорон. Знала, как у детей плохо с деньгами. И было ей наплевать на пересуды за спиной.

Семья – это государство. Свой король и свои подданные. Свои устои и свои законы. Хочешь – принимай и живи счастливо. Хочешь – бастуй и живи в немилости.

Королем в семье был муж, Гриша. А Наденька с Любашей – подданные. И что в этом плохого? Король отвечает за них, за подданных. Заботится и оберегает. Все решения принимает сам. И они с этим согласны. Так спокойнее, не правда ли?

Будущий муж, тогда еще жених, был предельно честен. Сказал сразу: «Примешь то, что я говорю, жить будем мирно и спокойно. Хорошо будем жить. Будешь возражать, ничего не выйдет – ни семьи, ни дома. Вот так. И это мой ультиматум».

Надя хотела. И приняла все, без уточнений и вопросов. Потому что из понятливых и еще потому, что любила. Вот и объяснение. Все просто. Она даже не удивилась мужнинуму

ультиматуму. Тихо сказала: «Хорошо. Я согласна». Не думала ни минуты.

А ультиматум был серьезный. Из нескольких пунктов. Во-первых, никаких гостей. Мой дом – моя крепость. И в гости тоже – ни-ни. Не любит он это. Сама – пожалуйста, бога ради. И в театры, и в кино – с мамой или с подружками. Он не изверг и не садист. Далее, влажная уборка каждый день – Григорий Петрович аллергик. Дальше – завтрак, обед и ужин. Как «Отче наш». С утра – овсянка. В обед суп и второе. Кисель (предпочтительней) или компот. Ужин легкий – здесь уж она сама разберется.

Спальни разные – так всем будет удобнее. Он привык читать за полночь, да и спит неважно – что ее беспокоить. Что ж, разумно. Обиделась про себя и ненадолго. Против логики и здравого смысла не поперешь.

Потом даже оценила. С возрастом, правда.

Отдыхать вместе – через год. Он любит уединение. По этой же причине в его комнату без стука не входить.

Обидно? Да ерунда, бросьте. Человек имеет право! К тому же надо понимать: он так привык. Столько лет прожил в одиночестве!

И это Надя приняла. Ну в конце концов – в чем здесь трагедия? Зарплату муж отдавал до копейки. В кино и к подружкам отпускал. Правда, к его приходу она должна была быть дома... А что тут такого? Работа у него тяжелая, ответственная. Это не ее работа – курам на смех. Синекура, а не рабо-

та – пешочком да на полдня, в поликлинике районной статистиком. Прошлась по свежему воздуху, размялась. Не спеша, по липовой аллейке. Ни транспорта общественного, ни давки. На обратном пути – в булочную и молочную. Сказка, а не работа!

И тряпкой влажной полы и мебель протереть не грех и не тяжесть. А кашу овсяную сварить и кисель – тоже невелик труд.

Да и пылесос муж тут же купил импортный. И стиральную машинку.

И на курорт ездили по путевке. Никаких каморок и столовых – номер с видом на море, питание диетическое, виноград и персики на блюде. Свой пляж с лежаками. Райская жизнь!

Дочку муж любил. Ничего ей не жалел – ни игрушек, ни платьев, ни развлечений. В семь лет купил пианино, чтобы Любочка слух развивала.

На что жаловаться? Не на что, правильно. Только господа и судьбу каждый день благодарить за такого отца и мужа. И к маме ее, кстати, относился хорошо: ни слова грубого, ни взгляда. Денег на новый холодильник дал.

Все делал для семьи и все во благо. Упрекнуть человека не в чем! Не муж, а идеал всех женщин.

Да, все так. Все правда. Только вот слова «люблю» он Наде за всю жизнь ни разу не сказал. «Спасибо» – да, было. Особенно под конец жизни, когда болел.

А за что, собственно, «спасибо»? За то, что ухаживала?

Честно исполняла свой долг?

Ну тогда она ему каждый день должна была кланяться. Поклоны бить.

А разве он требовал? Никогда себя не хвалил и ее не попрекал.

Сложный человек, понятно. А кто простой? Вот покажите!

Да нет, не показывайте! Потому что ей неинтересно, как и кто там живет.

У нее есть семья! Государство! Ее, личное. Ее и его. И они в нем сами разберутся. Не сомневайтесь.

А про то, что «люблю» не говорил...

Так он однажды сказал: «Человек определяется не словами, а делами. У тебя есть претензии?»

Нет. Претензий у нее не было.

А вот было ли счастье? Вопрос.

* * *

Интересное дело – судьба. И на танцы ведь молодая ходила, и в кинишко, и на каток с подружками. Позже – в компании разные. С мамой ездила на курорт. И ничего! Ни одного серьезного романа! Так, пара-тройка незначительных свиданий.

А тут поехала к тетке на Сретенку, села на бульваре передохнуть. Рядом мужчина – солидный, интересный. Газе-

ту читает. Она взгляд мельком кинула и отвернулась. Доела мороженое, передохнула и встала со скамейки. А он газету отложил и спрашивает: «Торопитесь?»

Она от неожиданности головой мотнула и снова на скамейку плюхнулась.

Так и познакомились. Прошлись по Сретенскому, потом до самой Сухаревки дошли. Как – за разговорами и не заметили.

Назавтра снова встретились. Опять гуляли. Осень тогда стояла сказочная! Октябрь, а тепло, как летом.

Гуляли три недели. А потом Григорий Петрович предложил Наденьке выйти за него замуж.

Она почему-то расплакалась и сразу кивнула.

А ночь не спала и думала, что назавтра он рассмеется и скажет, что пошутил.

Не сказал. И через два месяца сыграли свадьбу.

* * *

Что она знала о своем муже? А ничего. Сразу поняла: спрашивать не надо. И не в том дело, что Надя Круглова, в замужестве Панкратова, была шибко умной или шибко опытной – какой у нее опыт, смешно! А потому, что чуйка у нее была, природное такое свойство: не лезть в чужую душу, не интересоваться подробностями, не стремиться узнать того, о чем ей не пожелали рассказать. Нелюбопытной бы-

ла Надя – наверное, так. И еще – стеснительной. Конечно, понимала: муж Гриша достался ей человеком сложившимся, взрослым. К тому же красавец, что говорить. Понятно, что баб у него было в избытке. А вот от подробностей увольте. Не ее это дело. Важно, что есть сейчас. А про прошлое бог с ним. Как говорила мама, меньше знаешь, крепче спишь.

Правда, одна Гришина родственница, Лена-беленькая, препротивная, надо сказать, особа, сплетница и интриганка отъявленная, за которой водился грешок людей, как собак, стравливать, поймала ее в коридоре, завела в темный угол и попыталась «рассказать все, как оно действительно было». Надя, совсем молодая жена, болтливую родственницу остановила резко, что в принципе ей было не свойственно:

– Не интересно нисколько, не тратьте зря времени!

Ленка эта аж кипящей слюной подавилась:

– Как это так? Про баб его не интересно? Такие были темы! – И она в блаженстве закатила глаза.

– Ни капли не интересно! – подтвердила Надя и, решительно отодвинув Лену, пошла прочь.

Та так и осталась с открытым ртом, да еще и обиделась – пару лет трындела, что жена у Гришки неполноценная. Дура прям какая-то. Хорошая пара: он, придурок спесивый, и она, недоделанная.

Потом Надежда поняла, почему Гриша к этим «родственничкам» ни ногой. Ни на праздники, ни на дни рождения. Только если похороны – здесь не отбрешешься.

Жили хорошо – ни ругани, ни скандалов. Мужа Надя уважала, ценила и... побаивалась немного, совсем чуть-чуть. Особенно когда он брови хмурил и покрывал недовольно – была у него такая привычка. Отцом Григорий Петрович был для Любаши справедливым – ни разу на нее просто так не сорвался, не заорал, как это часто у мужиков бывает, когда устали или настроения нет. Правда, и не занимался с ней никогда – в игрушки не играл, книжек не читал. А что тут такого? Все мужики такие. Ну или почти все. Все женщины на мужей жаловались. Только не Надя. Никогда – даже матери родной, не говоря о подружках, слова дурного о муже не сказала. Ни разу! Да и говорить было особенно нечего.

А что неласковый – так это характер такой, куда деваться!

Иногда, когда ехали в машине и радио слушали, а там какая-нибудь песня про любовь, «Опустела без тебя земля» например, у Нади от волнения в горле перехватывало. Бросала она взгляд на мужа и мечтала, что посмотрит он сейчас на нее нежно, возьмет за руку и чуть сожмет ее пальцы.

И им обоим станет понятно, что они друг для друга значат. Можно и без слов – и так понятно, даже если просто взгляд и ладонь в ладонь.

Нет. Не было этого. Взгляд ее он чувствовал, а вот головы не поворачивал. Только брови хмурил и губы поджимал – сразу видно, что раздражался.

Надя вздыхала и смотрела на дорогу – так, значит, так. Несентиментальный человек – вот что это значит. И больше

ничего.

А то, что называется интимная жизнь, с Наденькиным-то опытом... Откуда ей было знать, как и что в этой самой интимной жизни бывает! И с подружками на эту щекотливую тему она, разумеется, не разговаривала. А с мамой – тем па-че.

Правда, когда видела в метро или в театре, как мужчина держит спутницу за руку, или поправляет ей воротничок на платье, или просто смотрит на нее, екало в сердце, ныло как-то тревожно.

Не было у нее ничего подобного. Ни разу в жизни не было. Обидно, а что делать? Было чем себя утешить – такого мужа, как у нее, еще поискать: верного, порядочного, непьющего. Сколько бы ей позавидовало женщин! А она разнюнивается, сопли распускает. Корила себя, стыдила.

Мама однажды спросила:

– Любишь его, Наденька?

А она споткнулась на ответе, задумалась. Минуту всего, а мама вздохнула, да так тяжело...

И тихо сказала:

– А я так и думала.

Надя тотчас спохватилась и даже на маму накричала.

– Думала? О чем таком ты думала, позволь спросить? Нет, давай уточним! – горячилась она.

Тихая мама обиделась и всплакнула.

А Наденька на нее еще долго злилась, почти целый месяц.

А потом подумала: не на себя ли она злится? А может, на Гришу? Или вообще – на жизнь?

Еще Надя наблюдала потихоньку за мужем – реагирует ли он на красивых женщин? Нет, ничего похожего. Можно спать спокойно. Головой, как петух, вслед красавицам не крутит, взгляды исподтишка не бросает, на пляже стройных красоток не отслеживает.

А однажды в санатории в Хосте за их столиком в столовой оказалась одна такая активная дамочка, полковничья жена Виолетта Семеновна. Стройная не по годам, талия, грудь – ну Мэрилин Монро просто. «Бабетта» вполметра на голове, «стрелки» до ушей, помада фиолетовая. Видно за версту – полковая Мессалина. К вниманию привыкла, как солдат к побудке.

В столовую заходит лебедью белой – плывет между столиками, как танцовщицы из «Березки». Духами разит за версту. Вот так соседка досталась – даже сердце у Наденьки тоскливо заняло.

И глазами эта Виолетта шьет, как машинка «Зингер», и смехом хрустальным заливается:

– Григорий Петрович, ах, салатик передайте, если, конечно, не трудно! Хлебушка белого пару кусочков будьте добреньки! Мне, знаете ли, что черный хлеб, что белый... Без разницы! С моей-то конституцией!

Обращается только к Грише, Нади за столом вроде как и

нет.

И все балаболит, балаболит без остановки – и про погоду, и про персонал, и про танцы ежевечерние. А Гриша только лоб морщит. И еще губы кривит. Видно, что осточертела ему эта мадам – дальше некуда. Даже за соседний стол хотел пересесть. Надежда остановила – сказала, неприлично. Слишком явно как-то.

Так и мучился весь срок, гримасы корчил. Торопился поскорее поесть и из столовой убежать.

Потом до этой Виолетты дошло – обиделась даже.

– Нелюбезный вы какой-то, Григорий Петрович! Не умеете с дамами обращаться! И как жена ваша вас такого терпит!

Гриша руками развел:

– Ну уж какой есть! Простите великодушно!

А Наденька даже рот открыла, чтобы эту хамку осадить, да не успела – муж ее за руку взял и быстренько из столовой увел.

Впрочем, кукла эта пустая, Виолетта, не показатель. Была еще у Наденьки в молодости подруга, Тая Стукалина. Вот уж где имелись красота природная и ум – два в одном. Таечка эта была похожа на молодую Марину Влади – белые волосы по плечам, высокие скулы.

Молчаливая, тихая, а видно, что в глазах огонь. О такую опалиться раз плюнуть – так хороша и непонятна как-то. Что у нее на сердце, какие страсти?

Таечка поэзией увлекалась – Ахматовой, Блоком. Стихи

читала тихо, вполголоса, а пробирало до основания, до слез. Да и сама писала стихи – очень неплохие, кстати, стихи.

Гриша тоже слушал. А потом встал и сказал:

– Спасибо. Хорошо читаете. А сейчас – извините, дела. – И ушел к себе в комнату.

Однажды даже Ленка-беленькая на очередных поминках многочисленной Гришиной родни Наде шепнула:

– А у Гришки твоего, часом, все ли в порядке по мужской части? Или вывеска одна?

– Это, видно, у тебя не все в порядке, – грубо ответила негрубая Надя. – Ты ведь без мужа, кажется, лет пять уже? Или больше? – ехидно уточнила она.

Ленка дернулась и побледнела.

– Оперилась пташка, дерзкая стала, – прошипела она и больше к Наде не подходила.

Впрочем, были пару раз у Нади сомнения, были. Именно сомнения – не подозрения. Уже хорошо.

Уезжал иногда муж Гриша. Уезжал внезапно и резко. Она уже ужин подогревала и на часы посматривала, а он ей из автомата звонил с вокзала – слышно голос диктора, что время прибытий и отправлений объявляет. Муж коротко так бросал:

– Мне надо уехать, Надежда. По срочным делам. Дня на три или на два – как выйдет. Срочная командировка.

Слышно плохо, она в трубку кричит:

– Что-то случилось, Гришенька? К чему такая срочность?

– Все нормально, – весь ответ. И короткий зуммер в трубке.

Чего греха таить – искала по карманам билеты, искала. Хоть какие-нибудь доказательства. Ничего. Ни билетов, ни каких-то записок. Куда, зачем? И к кому – вот главный вопрос.

Возвращался Григорий, правда, на следующий день – почти всегда. Злой, раздраженный. И еще – задумчивый. Зашла однажды в его комнату – со стуком, как положено, а он стоит у окна – как окаменел. Даже на нее обернулся спустя пару минут. У Нади тогда сердце чуть из груди не выпрыгнуло. Посмотрел на нее так... Словно она пыль под ногами.

А она – ни одного вопроса – ни-ни.

– Есть будешь, Гришенька? Я уже щи подогрела.

И еще было – квитанцию она в кармане его пиджака нашла. Перед химчисткой карманы вывернула. А там квиток о почтовом переводе на сумму тридцать рублей. Серьезная сумма. Получатель – какая-то Э. Минц. Или какой-то? А адрес – город Калуга. Кто этот Минц? Раньше она про такого не слышала. Или – такую?

Две ночи не спала и все-таки решилась. Показала мужу квиток и задала естественный для любой женщины вопрос.

Он смутился и даже покраснел – чуть-чуть. Сказал резко:

– Родственник. Бедный и одинокий. Иногда... Иногда, – повторил Григорий Петрович, слегка повысив голос, – я ему помогаю. И на тебе, кстати, это никак не отражается, заметь!

Ни на тебе, ни на дочке! А по моим карманам впредь прошу не лазать! Убедительно прошу! И в вещах моих не копать-ся! – Голос его совсем окреп.

Надя тихо залепетала – да не копалась я, Гриша! Просто пиджак перед чисткой...

А через неделю муж принес ей путевку в Германию – на работе выпросил.

Как извинился, что ли. И как на такого мужа обижаться? Грех, одно слово.

В ГДР она, разумеется, поехала. Поездка была интересная, насыщенная. По музеям, городам – всю Восточную Германию проехали. И подруга у нее там появилась – первая, с кем она о жизни своей и тревогах поделилась – так вышло.

Долго этот Минц не давал ей покоя, много месяцев. А новая знакомая оказалась женщиной мудрейшей – за спиной три брака, и все счастливые, смеялась она.

– А что же вы тогда от хороших мужей уходили? – удивилась Надя.

– А следующий лучше предыдущего оказывался, – опять смеялась новая приятельница.

Звали ее Эра Львовна. Было ей за пятьдесят, и работала она экскурсоводом в Музее революции. Говорила, что всю жизнь «брешет про героев Октября». На языке язвы должны появиться от такого вранья.

Про почтовую квитанцию для загадочного Минца она Наде сказала так:

– Забудьте. Скорее всего, это и вправду бедный родственник. Или приятель. Может, жалость. А может – долг. Кто знает? Такие закрытые и суровые люди, как ваш Григорий, часто оказываются в душе людьми трепетными и сентиментальными. А если это и грешки юности – так и бог с ними. Каждый человек имеет право на тайну. И вы, Наденька, тоже.

– Какие у меня тайны, – удивилась она. – Вся моя жизнь – как на ладони.

И почему-то успокоилась. Бог с ним, с этим Минцем. Откровения действительно не для ее мужа. Да и какая жена обрадуется, что от семьи отрываються деньги?

* * *

Однажды Григорий ей сказал:

– Спасибо тебе!

Она подумала, что про холодец, который он обожал. Заглянула в холодильник – лоток с холодцом был не тронут.

Она позволила себе уточнить:

– За что, Гриша?

– А за то, что жить не мешаешь! – ответил он.

Она тогда села на стул и полчаса не вставала. Даже молоко из кастрюли выкипело и запеклось коричневой коркой на новой плите. А запах стоял! Ну понятно – когда молоко убегает.

«Сомнительный комплимент, – подумалось ей. – Очень

сомнительный». Можно долго переживать и искать в этом глубокий смысл. А переживать не хотелось. Так же, как и уточнять: «В смысле?»

И она выкинула эту фразу из головы. Не сразу, но выкинула. Пусть лежит на задворках вместе с этим самым Минцем – тю-тю!

Долго потом вспоминала наставления туристической подруги Эры: «Живи веселей! Неприятности сами в ворота постучат, без твоей помощи!» А сколько потом она удивлялась Гришиной сердечности и порядочности!

Когда заболела мама, устраивал в лучшие клиники, говорил, чтобы денег ни на что не жалела, ни на врачей, ни на лекарства. И похороны мамочкины обставил: гроб, отпевание, поминки в кафе. Потом памятник – камень выбрал не из дешевых, ограду кованую. Ни на чем не экономил.

Заставил Надю шубу пошить каракулевую – коричневую, которая была в два раза дороже заезженной черной.

И дочке – все самое лучшее. Джинсы, магнитофон, сапожки итальянские.

Правда, расстроила его Любаша – институт бросила и замуж выскочила. Но он слова не сказал – не попрекнул ни разу.

А Надя видела, как муж страдает, что единственная дочка неучем осталась и сразу замуж – да еще и за иностранца.

Правда, сказала ему:

– Не печалься, Гриша! Там, за границей, жизнь сытней и

проще! Пусть ей будет полегче!

Он тогда взглянул, как полыхнул:

– Ты, Надя, дура! – В первый раз обозвал! – Там хорошо, где нас нет. А что внуков своих будешь видеть раз в пятилетку – об этом ты подумала? Считаю, что нет у тебя теперь ни дочери, ни внуков.

А ведь прав оказался! И легко Любаше не было ни одного дня! Ни одного! Поняла – везде простому человеку несладко, если ты не богач.

Да и про внуков она думала. Когда их увидит? Впрочем, Любаше было совсем не до детей – самим бы выжить и выстоять. Что ж получалось? Никакого рая там, за границей, нет? Выходит, так. Надежда даже начала уговаривать дочку вернуться. Та ни в какую:

– Что ты, мама? О чем говоришь? Лучше будем биться за кусок хлеба там, чем у вас, в России.

Так и написала – «у вас». Поняла Надя, что о возвращении и говорить нечего, не вернется дочь.

Григорий Петрович болел долго, почти восемь лет. Всю жизнь прожил крепким мужчиной, даже простудами не болел. А после пенсии весь посыпался. Все и сразу – гипертония, язва, артрит и прочие прелести. Надя тоже стала прибавлять, но было не до себя. Муж стал требовать такого внимания и такой заботы, что даже не оставалось времени измерить себе давление.

Теперь он стал требовать строжайшей диеты, прогуливал-

ся в парке по часам, спать укладывался в десять вечера. Не забывал и про дневной сон. Давление мерил по десять раз на дню. Надя только и слышала пикание аппарата.

Сначала посмеивалась, а потом стала раздражаться. Один раз не сдержалась:

– Ну, что ты, ей-богу!

Муж обиделся и весь вечер с Надей не разговаривал. И язык свой она опять прикусила – нельзя с ним так. Такой вот сложный человек ее муж.

Два раза в год Григорий Петрович ложился в больницу – на обследование. Врачами был всегда недоволен – нет должного внимания. Одна врачиха, довольно, кстати, милая женщина, посоветовала ему заняться делом.

Он возмутился и опять обиделся (в том числе и на бедную и ни в чем не повинную Надю):

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.